

УДК 343.13

doi: 10.26907/2541-7738.2020.4.140-151

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

О.А. Гарнаевский

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, 460000, Россия

Аннотация

Целью научных изысканий в рамках настоящей статьи является поиск оптимальных путей развития современного уголовного судопроизводства России в системе карательной политики государства на основе изучения взаимовлияния древнерусских правовых обычаев и византийско-канонических традиций. В ходе исследования применялись: метод периодизации историко-юридических процессов, оказавших влияние на зарождение и развитие уголовного судопроизводства; историко-генетический метод познания, способствовавший определению начального момента развития правоотношений криминального толка в Древней Руси; типологический метод позволил провести объединение признаков явлений и событий, свидетельствующих о зарождении уголовного процесса. В результате исследования ряда документальных источников сделан вывод о существовании уголовно-процессуального порядка обвинительного типа в дохристианский период развития Древнерусского государства, получившего развитие под воздействием эллинской правовой культуры и свою дальнейшую кодификацию в Русской Правде.

Ключевые слова: Древнерусское государство, русский правовой обычай, византийско-канонические традиции, уголовный процесс, карательная политика

Карательная политика любого государства – неотъемлемый элемент его становления и развития, позиционирования в мировом сообществе; основа экономического благополучия и государственной целостности. Современное представление о карательной политике включает в себя наряду с мерами уголовной ответственности и порядком реализации уголовной репрессии также назначение, принципы и инструментарии уголовно-процессуальной деятельности, защиты прав и свобод личности от произвола государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам. Таким образом, современное представление о государственном карательном механизме заключается в идеальной совокупности сдержек и противовесов, создающих «гарантии против злоупотребления должностными полномочиями со стороны властных субъектов, предупреждают принятие ими ошибочных решений» [1, с. 76]. Но подобная система зародилась не сразу, и развилась она из сращения древнерусских обычаев и византийско-канонических традиций.

Изначальное упоминание о Руси как государстве с правовыми обычаями фиксируется в русских летописях и византийских документах задолго до принятия христианства и появления правового памятника «Русская Правда» и относится к первой половине IX в. [2, с. 8], что подтверждается договорами с греками. Эти документы важны с точки зрения доказательства существования правовых отношений, служат свидетельствами установленной формы судопроизводства «по тяжбыным делам между русским гостиным двором на Босфоре у монастыря св. Мамонта и Греками» [2, с. 15]. Упоминание о наличии более или менее развитого государства также можно обнаружить в арабских, западноевропейских и иных историко-правовых источниках. Целью нашего исследования не является изучение истоков российской государственности и причин объединения народов на территории Древней Руси, однако повествование о природе и своеобразии уголовно-процессуальной политики невозможно представить без обращения к периодизации истории нашего государства.

На сегодняшний момент ученые выделяют различные этапы становления и развития карательного компонента государственности России, но относят начало этого процесса к X в. и вплоть до начала XX столетия выделяют этапы в привязке к принятию кодифицированных источников в области уголовного права и процесса. Так, А.Р. Павлушков пишет о трех наиболее значимых периодах: начальный (X – первая половина XIII в.) связан с установлением основ государственности, первыми правовыми обычаями, церковным судом, византийскими памятниками; московский период (вторая половина XIII – XVII в.) соответствует процессам централизации власти и ознаменован принятием Судебников 1497 и 1550 гг. и Соборного Уложения 1649 г.; имперско-синодальный период (XVIII – начало XX в.) соотносится с европейскими реформациями, либерализмом в обществе и политике, идеями просветительства, эволюцией идеологии наказания и тюремной реформой при сохранении духовного суда и христианских заповедей [3, с. 195–197].

В целом соглашаясь с предложенной периодизацией, уточним следующее: в рамках настоящего исследования четко систематизировать события в области уголовной юрисдикции до второго десятилетия XII в. довольно проблематично в силу отсутствия сохранившихся в надлежащем виде источников. Имеющиеся же упоминания о разрешении криминальных конфликтов в Древней Руси могли бы находиться в летописных сводах, которые, по замечанию А.А. Шахматова, существуют в нескольких редакциях и известны как «Повесть временных лет» [4, с. I–III]. Во-первых, это летописный свод, переписанный уже после XII в., содержащий сокращения и вставки и объединяющий материал Киевского свода и Новгородских известий. Личность составителя этого основного свода – Нестора – широко известна, а его труды датированы 1111 г. Во-вторых, это Сильвестровская редакция «Повести временных лет» 20-х годов XII в. (точная датировка есть в самой летописи и связана с нисхождением на игумена Сильвестра в Киево-Печерской лавре огненного столпа). И, наконец, это Южнорусский летописный сборник XIV в., имеющий непосредственное отношение к Владимиру Мономаху и его походам на половцев.

Все редакции «Повести временных лет» – это в первую очередь литературно-художественные произведения, посвященные ратным боям с половцами,

междоусобицам, освоению новых земель и особенностям правления в городах Киевской Руси. Упоминаний о правонарушениях, системе наказаний, уголовном преследовании в рассматриваемых текстах мы не находим. Это объясняется в том числе становлением государственности и отсутствием на этом этапе интереса к правотворчеству со стороны князей в силу того, что княжеская власть обычно устанавливалась через кровопролитие, по сути – через свершение «злодеяний», которые не могли быть наказуемы и трактовались обычно как великое событие либо акт мести [5, с. 35–36]. В качестве примера легитимности последней в «Повесть временных лет» включены сказания о трех походах княгини Ольги к варягам в 945 г. с целью отмщения за смерть Игоря (глава «Начало княжения Святослава, сына Игорева») и о четвертой мести Ольги в 946 г. в виде сожжения Искоростня и наложения дани на древлян [6, с. 3]. Уплата дани, а позже «виры» – основной вид наказания, в котором монастырские писцы усматривали алчность и плохое управление со стороны князей. Но осуждение подобного рода высказывалось осторожно в качестве обещания довести происходящее до сведения греческих царей [6, с. 11].

Некоторые традиции уголовной юрисдикции упоминаются в Синодальном списке, в состав которого вошла частично «Повесть временных лет» с текстом древней Новгородской летописи [6, с. 105–106]. Последняя, по исследованиям Археографической комиссии начала XX в., созданной в целях восстановления и описания документов о древнейшей Руси, представляет собой переписанный монахами текст: местами из Начального свода, древнего Новгородского свода, древнего Киевского свода, церковной повести о крещении и кончине Ольги и пр. Из анализа перечисленных летописных источников следует, что в дохристианский период князья пользовались неписаными законами и правилами разрешения конфликтов. Широко известен судебный поединок – русское «поле», также действовало правило кровной мести; все они представляли собой языческие обряды, не признаваемые и не одобряемые каноническим правом Византии. Напротив, упоминание заключенных с Византией договоров, начиная с «Договора мира и любви» 60-х годов IX в., а также договоров 907, 912, 945 и 971 гг., подписанных между греками и князьями Олегом, Игорем и Святославом, являются для нас незаменимыми письменными доказательствами существования карательных элементов в политике Древней Руси дохристианского ее периода.

Так, в «Повести временных лет» о договоре 907 г. сказано следующее: «Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир» (ПВЛ, с. 153). Из этого следует, что законы в Древней Руси и обряды, сопровождавшие их исполнение, существовали в достаточном объеме, иначе бы развитая Византия не вступала в международные длительные связи с варварским народом. В 912 г. был заключен очередной договор с греками, в тексте которого есть первое подробное упоминание о преступлениях и наказаниях, известных обеим сторонам. Здесь преступления называются «злодеяниями». Этот термин мог быть включен при составлении «Повести временных лет» в XII в., но греческих корней в нем нет, по заметкам ряда этимологов [5; 7].

Договор классифицирует преступления и располагает их по степени тяжести – эта градация известна обеим сторонам. На первом месте как наиболее тяжкое злодеяние – убийство русского христианином или наоборот. За такое преступление договором предусматривалось наказание в виде незамедлительного убийства причинителя вреда, причем тем же способом, которым было совершено преступление. Основным доказательством виновности совершения этого и других преступлений являлось признание вины, принесение клятвы на оружии, поединок, а также суд Божий: «...Пусть те..., которые приняли крещение, получат возмездие от Бога вседержителя, ...а те..., которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия...» (ПВЛ, с. 160). В случае бегства виновного правосудие считалось отложенным, «пока не найдется, а когда найдется, да будет убит» (ПВЛ, с. 162). Следующим по степени тяжести договором признано причинение вреда здоровью вследствие битья мечом или иным орудием, за что предусматривалось материальное наказание в виде «5 литр серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен» (ПВЛ, с. 162). Предусматривалось также наказание за совершение кражи и грабежа в виде возврата украденного и выплаты сверху в тройном размере. При этом, если при покушении на кражу виновный мог быть убит, это не считалось преступлением. В качестве преступлений международно-правового характера исследуемый договор признавал пиратство, незаконное пленение, продажу в рабство. Стороны согласовали свою позицию о взаимной помощи в подобных ситуациях по возвращению похищенного имущества с судов и самих плавательных средств, а также выкуп и возвращение русских и христиан независимо от сословия, в том числе челяди. Последнее свидетельствовало о непризнании обеими сторонами законности рабства и о ценности жизни человека. За оказание помощи в расследовании названных преступлений сторона, заинтересованная в возврате имущества и людей, должна была выплатить вознаграждение.

В 945 г. после кровопролитных боев князь Игорь возобновил мир с греками, о чем была заключена Хартия. В этом документе упоминается о взаимных преступлениях и наказаниях за них. Здесь также сохранен принцип возмездия, неизбежности наступления кары: за убийство – наказание умерщвлением, за членовредительство – денежным взысканием (ПВЛ). Новых видов преступных деяний предусмотрено не было; более того, многие названные в предыдущем договоре проступки отсутствуют в Хартии. Между тем, по материалам А.А. Шахматова (в частности речь идет о повествовании Нестора), встречаются упоминания «темничнаго погребя», есть фраза: «окованымъ разрьшенье, темницамъ отверженье» [4, с. LXXII–LXXIII]. Это позволяет сделать вывод о наличии предварительного заключения обвиняемых в ожидании суда и их последующем помещении для отбытия тюремного заключения.

Поскольку в указанных источниках уже упомянуто о наличии конкретных видов законов в Древней Руси, то имеет смысл предпринять попытку проанализировать

зировать имеющуюся информацию из невизантийских источников. Так, большой интерес вызывает исследование периода так называемого «Русского каганата» [8–10], просуществовавшего до 860 (первый поход на Константинополь) или даже 862 г. (призыв Рюрика с братьями к управлению новгородцами и славянскими племенами). По убеждению Е.В. Пчелова, к 830 г. Русский каганат представлял собой государственное образование, тесно соприкасавшееся с зоной хазарского влияния, – эта мысль была почерпнута исследователем из Бертинских анналов и арабских документов [10, с. 27–28]. Не станем опровергать такую вероятность, поскольку с 60-х годов XX в. в подтверждение этой идеи было обнаружено много археологических находок. Потому полагаем, что на обычаи и традиции Древней Руси, в том числе правового характера, значительное влияние мог оказать хазарский патронаж, о чем свидетельствует находка в 1985 г. среди рукописей синагоги в Фустате «удостоверения личности» члена киевской иудейской общины, выполненного на пергаменте и подписанного несколькими лицами, занимающими в общине высокое положение. Среди них, как отмечает Е.В. Пчелов, есть некий *Гостята бар Кьябар Коген*, также на документе имеется резолюция о разрешении отбытия лица, наложенная чиновником Хазарского каганата.

Влияние Хазарского каганата на становление и развитие Древней Руси как государства необычайно велико. По этому поводу М.И. Беляев очень точно подметил, что хазары – «это не просто противник, потерпевший поражение» [11, с. 104], а своеобразный стимулятор активного развития Руси, после победы над которым восточнославянское государство смогло стать заметным, в том числе для сильного военно-политического союзника – Византии. Поэтому следует констатировать, что на взаимоотношения Древней Руси и Византии большое влияние оказывала борьба между русами и хазарами. Византия также терпела набеги и разорение со стороны Хазарского каганата, но, не обладая военной подготовкой и стратегическим опытом ведения длительных войн, попала в зависимость от военной помощи Руси. По этой причине русско-византийские договоры, в особенности договор 944 г., содержат большие международно-политические взаимные уступки и детальные соглашения по защите друг друга от общего врага. Учитывая изложенные факты, нельзя отрицать влияние просвещенной Византии на становление на Руси новой религии, новых культурных элементов и правовых укладов. В пользу раннего распространения византийского влияния на Древнюю Русь (еще до ее крещения) говорит изучение периода княжения Ольги (матери Святослава). Княжне Ольге рядом приписывается множество реформ государственного управления, установление правил торговли и сбора дани с древлян. Состав свиты княгини во время ее поездки в Византию в июле 955 г. дает основание предположить, что это был не только дипломатическо-торговый, но и духовно-обогащающий визит, результатом которого стало значительное сближение с Византией, привнесение в русские земли греческих традиций и правил общежития. Историки сравнивают его с поездкой Петра I в Западную Европу [2, с. 22]. Византия, безусловно, осознавала свое идеологическое и культурно-нравственное влияние на языческую Русь, которой уступала в силе и военном искусстве, и именно правовоспитательная роль греков позволила состояться «воцерковлению» Руси. На тот момент по уровню своего развития в области гражданственности,

юриспруденции, культуры Византия превосходила Западную Европу, где также насаждалась эллинская правовая культура.

Поскольку задачей Византии было оказание влияния на Древнюю Русь через союзнические соглашения, через наставление на праведный путь православия, значимость приобретает рассмотрение византийских канонических правовых норм и их проникновение в древнерусское правотворчество. Своеобразие Византии, по заключению историков и правоведов, проявляется в тройственном союзе христианской религии, римской государственности и античной культуры [12–14]. Правовые нормы Византии в описываемый период были неотделимы от церковных установлений, поскольку единство церкви и власти императора являлось отличительной чертой греческого государства. Из числа нормативных актов времен иконоборчества, регламентирующих наказания за преступления, следует выделить «Эклогу» 726 г., «Прохиرون» 879 г., «Эпанагогу» 874 г., «Василики» (начиная с 890 г.).

Так, в «Эклоге» титулом XVII «Наказания за преступления» закреплялись важнейшие принципы уголовной политики Византии: законности (привлечение к ответственности всех без исключения лиц в случае совершения любого из перечисленных в кодифицированном источнике преступления) и вины (наказанию подлежали лица за преступления, совершенные с умыслом). При этом система наказаний, описанная в «Эклоге», разнообразна, ей присущи элементы восточной жестокости, а также дифференциация в зависимости от сословного положения виновного. Наказанием за преступление могло быть: лишение жизни, членовредительство (отрезание языка, руки, носа, оскотление, пострижение наголо и т. д.), битье палками, изгнание, выплата штрафа, конфискация (исходя из имущественного положения лица). Ведущая роль отведена казням в «квалифицированной» форме в виде отсечения головы мечом (наиболее распространенный вид смертной казни), сожжения и даже распятия на фурке (титул XVII ст. 33, 38, 41–43, 45, 50, 52, 53)» [15, с. 35].

В дальнейшем «Эклога» претерпевала изменения под воздействием христианской веры и в результате смягчения императорской политики в отношении иконоборчества. Во многие разделы кодифицированного источника были внесены дополнения Вселенскими церковными соборами. Титул о наказаниях был дополнен главой о преступлениях против церкви (отречение от христианской веры, колдовство, знахарство, побои духовенства, кражи из алтаря, разграбление могил и др.), единственно возможным наказанием за которые считалась казнь.

В «Эклоге» также были выделены другие виды преступлений, согласно римскому их определению, имелись общие положения о субъекте преступления, возрасте ответственности, институте соучастия, отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельствах. «Эклога» включала не только нормы материального права, в ней также присутствовали процессуальные регламенты. Следует специально отметить такой вид преступления, как самосуд, поскольку право разрешать спор по существу совершенного преступления принадлежало только специально уполномоченным судебным чиновникам: высшим судебным органом являлся император, затем в иерархической лестнице ниже его по выполнению судебных функций состоял «славнейший квестор, антиграфевсы, все служащие судебных органов» [15, с. 38], на местах в провинциях – архонты.

Содержание судебной системы осуществлялось за счет средств, собираемых с участников процесса и жалобщиков, эти денежные выплаты составляли жалование судей и их помощников. Судебный процесс был построен на предъявлении доказательств, к которым относились свидетельские показания и письменные документы, признание вины и принесение клятвы.

Упомянутые положения были позже развиты и дополнены и получили название «Василики» – это был свод законов периода конца IX – начала X в., содержащий 60 разделов о преступлениях и наказаниях. Данный документ также переписывался несколько раз и в частично компилированном виде послужил прообразом Русской Правды, которая представляла собой своеобразный симбиоз византийского канонического права, русских традиций и обычаев и княжеских установлений.

Таким образом, новая православная религия была тесно связана с заимствованными из Византии правовыми нормами. Так, Л.В. Руденко пишет о «великом социально-историческом значении принятия православного христианства, определившего место Руси в истории человечества на многие века» [16, с. 20], «на Руси православное христианство стало мерилом добролюбия», христианство должно рассматриваться «как основа к объединению древнерусского государства» [16, с. 24]. Не отрицая всей важности христианства для развития (именно развития, а не становления!) нашего государства, полагаем вышеперечисленные эпитеты несколько преувеличенными и входящими в конфликт с имевшимися уголовно-правовыми и процессуальными традициями Древнерусского государства середины IX – X в., как было описано выше. Эти традиции не получили письменного системного описания, что, однако, не может свидетельствовать об их отсутствии. Местами выводы Л.В. Руденко противоречат даже документально закрепленным сведениям. Так, он убеждает нас в том, что благодаря князю Владимиру кровная месть была заменена на виру [16, с. 28], тогда как фактически это было закреплено в Русской Правде во время правления князя Ярослава.

В качестве иллюстрации нашей позиции можно привести и следующую цитату: «...Нет, – возразил Ярослав, – власть духовно-светская, в греческой империи слитная... Из-за этого так долго русские от вашей Церкви отворачивались. Веру мы взяли через вас, а законов не взяли. Таинство благодати при посвящении в сан взяли мы, а обычаи греков не взяли» (из разговора митрополита с князем Ярославом) (РВ, с. 49).

И.П. Сахаров, собиратель русских обрядов, традиций, сказаний и поверий, также пришел к выводу, что именно «семейные» традиции русского народа легли в основу российской государственности, а не только повествования летописцев, объективность которых мы поставили в начале нашей статьи под сомнение. Исследователь русской старины пишет: «Напрасно думали, что только одни записи летописцев могут служить основанием для истории Русского народа. Разве наши песни, наши сказки, наши думы, наши поверья были выражением других народов? Нет! Это все было в нашей родной стороне, это все высказывалось нашими предками, и обо всем этом забывают говорить в историях Русского народа» [17, с. 2].

Таким образом, на момент официального принятия христианства в Древней Руси произошло столкновение двух правовых течений: традиционного и канонического.

нического, что позже нашло отражение во всех правовых памятниках. Отголоски конкуренции упомянутых течений мы находим по сей день – чего стоит одно только употребление термина «обычай» в нормах современного гражданского законодательства России (ст. 5 ГК РФ) или карательной основы преследования за совершенные преступления в политике любого современного государства! Важно отметить, что слово «кара» этимологически соотносится с семантическим комплексом 'ссора, упрек, наказание, порицание' (МФ). Как указывают М.Э. Жаркой и А.Е. Козлов, наказание (кара) наступает как результат узаконенного насилия и имеет государственно-правовую природу. Поэтому совокупность всего инструментария, посредством которого применяется кара, и методология ее применения могут быть обозначены дефиницией «карательная политика» [18, с. 60].

Добавим, что без государственности, установления властно-повелительных начал в обществе невозможно представление об организации системы наказания и принуждения. Но это вовсе не означает, что в догосударственный период или на раннем этапе огосударствления общества наказание и порядок его применения отсутствуют. Они еще не носят публичный характер, иницируются по волеизъявлению частных лиц и ими же приводятся в исполнение, что соответствует обвинительному типу юрисдикции в области разрешения любых правонарушений. В.К. Случевский применительно к уголовному судопроизводству рассматриваемого периода отмечал: «В этом начальном моменте развития государственности уголовный процесс является в форме самосуда и самое резкое проявление свое получает в праве мести» [19, с. 62].

На основании изучения документальных источников Древней Руси и Византии по теме работы, а также некоторых историко-правовых исследований можно сделать следующие выводы:

1) до становления государственности на Руси уже существовали правовые традиции и обычаи, в том числе в области уголовной юрисдикции, именуемые в византийских договорах «русскими законами»; они представляли собой устное обычное право обвинительного частно-розыскного типа, не требовавшее кодификации в силу общинного контроля и добропорядочности его исполнения;

2) с приходом династии Рюриковичей появилась необходимость в укреплении государственности, в том числе в применении карательных мер, которые рассматривались прежде всего как способ объединения земель и покорения народов; к числу распространенных наказаний за преступления относилось возмездное причинение смерти и взимание уплаты (компенсации) деньгами или имуществом;

3) договоры Византии с Киевской Русью, а также греческие канонические памятники правовой культуры VII – IX вв. явились прототипом последующих кодифицированных государственных памятников права, в основе которых лежали языческие традиции и обычаи народностей, населявших русские земли;

4) принятие христианства на Руси повлияло на перенесение византийских канонических норм в церковное право, которое следует рассматривать как параллельную ветвь развития карательной политики Древнерусского государства;

5) уголовного права как такового и судопроизводства в Древней Руси еще не было сформировано, но существовали отдельные его зачатки в виде форму-

лировок видов преступлений (убийство, членовредительство, неуплата сборов и податей, кража, грабеж и др.) и наказаний за них (казнь, изъятие имущества, выплата штрафа); эта совокупность правил позже была развита в документах церковной и княжеской юрисдикции.

Источники

- ПВЛ – Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подгот. текста Д.С. Лихачева; Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц; Ред. изд-ва А.А. Воробьева. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 405 с. – URL: https://www.gup.ru/pic/site/files/fulltext/Pov_vrem_let_per.pdf, свободный.
- РВ – *Иванов В.Д.* Русь Великая: роман-хроника. – М.: Современник, 1983. – 550 с.
- ГК1 РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 дек. 2019 г., с изм. от 12 мая 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- МФ – Кара // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/к/кара>, свободный.

Литература

1. *Дикарев И.С.* Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журн. рос. права. – 2018. – № 3. – С. 76–83.
2. *Успенский Ф.И.* Русь и Византия в X веке: речь, произнесенная 11 мая 1888 г. в торжественном собрании Одесского славянского благотворительного общества в память 900-летнего юбилея крещения Руси. – Одесса: издание Кирилло-Мефодиевского книжного склада при Одесском славянском обществе, 1888. – 38 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/363257>, свободный.
3. *Павлушков А.Р.* Церковь в карательной политике государства: периодизации и эволюция взаимоотношений // Приоритетные направления развития науки и образования / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 194–201.
4. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. – Петроград: Археогр. комис., 1916. – Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. – 403 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/358033>, свободный.
5. *Ганбаатар Д.* Концепт «зло» в древнерусском языковом сознании // Современ. гуманитар. исслед. – 2008. – № 1. – С. 35–36.
6. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах: [С прил. 2 вариантов текста Начала земли Русьсте]. – СПб: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 687 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/361691>, свободный.
7. *Колибаба С.* Зло – этимология. – URL: <https://proza.ru/2014/06/01/1556>, свободный.
8. *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. – М.: Акад. проект, 2016. – 351 с.
9. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. – 624 с.
10. *Пчелов Е.В.* Рюрик и начало Руси. – М.: Старая Басманная, 2012. – 58 с.
11. *Беляев М.И.* Особенности взаимоотношений древнерусского государства со странами Причерноморья в IX – XI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 180 с.
12. *Макаров Д.А.* Система права Византийской империи (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – 22 с.

13. *Кецба Б.И.* Каноническое право в системе Византийского права // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4. – С. 60–64.
14. *Зинченко Е.В.* Вселенское каноническое право первого тысячелетия и церковное право Киевской Руси XI столетия: сравнительный анализ // Вестн. Нац. ун-та «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого». Сер.: Философия права, политология, социология. – 2017. – № 2. – С. 55–64.
15. *Лысенко О.Л.* Эклога 726 г. – памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11: Право. – 2014. – № 3. – С. 16–41.
16. *Руденко Л.В.* Православное христианство как историко-социальное явление в Древней Руси IX – XI веков (социальная миссия православного христианства): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 38 с.
17. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым: в 3 ч. – Ч. 1. – СПб: Гуттенбергова тип., 1836. – 202 с.
18. *Жаркой М. Э., Козлов А.Е.* Наказание и карательная политика государства (к проблеме теоретического осмысления) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 3. – С. 53–60.
19. Хрестоматия по уголовному процессу России / Авт.-сост. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 269 с.

Поступила в редакцию
28.06.2020

Тарнавский Олег Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

Оренбургский государственный университет
ул. Казачья, д. 55, г. Оренбург, 460000, Россия
E-mail: iens.orenburg@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 4, pp. 140–151

doi: 10.26907/2541-7738.2020.4.140-151

Early Stage of Criminal Procedure Development in Old Rus'

O.A. Tarnavsky

Orenburg State University, Orenburg, 460000 Russia
E-mail: iens.orenburg@gmail.com

Received June 28, 2020

Abstract

In this paper, the most promising options for developing the modern criminal procedure of Russia in the system of state penal policy were considered based on the analysis of the mutual influence exercised by the legal customs of Old Rus' and the Byzantine canon traditions. Various methods were used in the course of the study: periodization of historical and legal processes that defined the emergence and subsequent development of criminal procedure; historical and genetic approach in order to date the moment when the first legal relations of a criminal nature occurred in Old Rus'; classification method to summarize the characteristics of legal phenomena and events associated with the emergence of criminal procedure.

Based on the thorough investigation of a number of historical documents, it was concluded that criminal law and procedure of the indictment type had already existed in the pre-Christian era of the Old Russian state, due to the impact of the Hellenic legal culture. They were codified in the Rus' Justice, an ancient legal code of the Russian state.

Keywords: Old Russian state, Russian legal custom, Byzantine canon traditions, criminal procedure, penal policy

References

1. Dikarev I.S. The system of checks and balances in pretrial criminal proceedings. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2018, no. 3, pp. 76–83. (In Russian)
2. Uspenskii F.I. *Rus' i Vizantiya v X veke: rech', proiznesennaya 11 maya 1888 g. v torzhestvennom sobranii Odesskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva v pamyat' 900-letnego yubileya kreshcheniya Rusi* [Russia and Byzantium in the 10th Century: A Speech Delivered on May 11, 1888 during the Commemorative Meeting of the Odessa Slavic Benevolent Society on the 900th Anniversary of the Baptism of Rus']. Odessa, Izd. Kirillo-Mefodievskogo Kn. Sklada pri Odess. Slavyanskom O-ve., 1888. 38 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/363257>. (In Russian)
3. Pavlushkov A.R. Church in the state penal policy: Periods and evolution of the relations. In: *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya* [Priority Areas for the Development of Science and Education]. Penza, MTsNS "Nauka i Prosveshchenie", 2018, pp. 194–201. (In Russian)
4. Shakhmatov A.A. *Povest' vremennykh let* [Russian Primary Chronicle]. Vol 1: Introduction. Text. Comments. Petrograd: Izd. Arkheogr. Komissii, 1916. 403 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/358033>. (In Russian)
5. Ganbaatar D. The concept of evil in the Old Russian linguistic consciousness. *Sovremennye Gumanitarnye Issledovaniya*, 2008, no. 1, pp. 35–36. (In Russian)
6. Shakhmatov A.A. *Razyskaniya o drevneishikh russkikh letopisnykh svodakh: S pril. 2 variantov teksta Nachala zemli Rus'ste* [Studies on the Oldest Russian Chronicles: With Two Textual Variants of the Russian Land Origins]. St. Petersburg, Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. 687 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/361691>. (In Russian)
7. Kolibaba S. Evil – etymology. Available at: <https://proza.ru/2014/06/01/1556>. (In Russian)
8. Sakharov A.N. *Diplomatiya drevnei Rusi: IX – pervaya polovina X v.* [Diplomacy in Old Rus': In the 9th – First Half of the 10th Centuries]. Moscow, Akad. Proekt, 2016. 351 p. (In Russian)
9. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [Old Rus' in Foreign Studies]. Mel'nikova E.A. (Ed.). Moscow, Univ. Dmitriya Pozharskogo, 2013. 624 p. (In Russian)
10. Pchelov E.V. *Ryurik i nachalo Rusi* [Rurik and Rus' Origin]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2012. 58 p. (In Russian)
11. Belyaev M.I. The relations between the Old Russian state and the Black Sea region in the 9th – 11th centuries. *Cand. Hist. Diss.* Moscow, 2004. 180 p. (In Russian)
12. Makarov D.A. The system of law in the Byzantine Empire (historical and legal aspects). *Extended Abstract of Cand. Law Diss.* St. Petersburg, 2007. 22 p. (In Russian)
13. Ketsba B.I. Canon law in the legal system of the Byzantine Empire. *Pravovoe Gosudarstvo: Teoriya i Praktika*, 2014, no. 4, pp. 60–64. (In Russian)
14. Zinchenko E.V. Universal canon law of the 1st millennium and church law of Kievan Rus' during the 11th century: A comparative analysis. *Vestnik Natsional'nogo Universiteta "Yuridicheskaya Akademiya Ukrainy imeni Yaroslava Mudrogo". Seriya: Filosofiya Prava, Politologiya, Sotsiologiya*, 2017, no. 2, pp. 55–64. (In Russian)
15. Lysenko O.L. Eclogue of 726 – a monument of the Byzantine law during the era of iconoclasm and "legal innovation". *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2014, no. 3, pp. 16–41. (In Russian)
16. Rudenko L.V. Orthodox Christianity as a historical and social phenomenon of Old Rus' in the 9th – 11th centuries (a social mission of Orthodox Christianity). *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Moscow, 2007. 38 p. (In Russian)

17. Sakharov I.P. *Skazaniya russkogo naroda o semeinoi zhizni svoikh predkov, sobrannye I. Sakharovym* [Russian Folk Tales about the Family Life of Ancestors as Compiled by I. Sakharov]. Pt. 1. St. Petersburg, Guttenbergova Tip., 1836. 202 p. (In Russian)
18. Zharkoi M.E., Kozlov A.E. State punishment and penal policy (on the problem of theoretical reasoning). *Aktual'nye Voprosy Bor'by s Prestupleniyami*, 2015, no. 3, pp. 53–60. (In Russian)
19. Kutsova E.F. *Khrestomatiya po ugovnomu protsessu Rossii* [A Chrestomathy of Criminal Procedure in Russia]. Moscow, Gorodets, 1999. 269 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Тарнавский О.А. Первоначальный этап развития уголовного судопроизводства Древнерусского государства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 4. – С. 140–151. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.4.140-151. ⟩

⟨ **For citation:** Tarnavsky O.A. Early stage of criminal procedure development in Old Rus'. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 4, pp. 140–151. doi: 10.26907/2541-7738.2020.4.140-151. (In Russian) ⟩